
ТАЯ ГОРДЕЛИС
Разведёнка.
Истинная дракона?

Тая Горделис

Разведёнка. Истинная дракона?

«Автор»
2026

Горделис Т.

Разведёнка. Истинная дракона? / Т. Горделис — «Автор», 2026

— Я женюсь на другой, Лиэра. — А как же я? — Можешь остаться помощницей. Я буду тебе платить. После восьми лет брака муж, которого я считала порядочным человеком, захотел развестись и предложил мне жалованье вместо дома. Потому что разведёнке в нашем мире полагается быть благодарной за любую подачку. Вот только почему сам Ардан Вейр смотрит так, что я забываю, как его ненавижу? Ведь истинная у дракона одна на всю жизнь. А у него она уже была...

© Горделис Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 24
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Тая Горделис
Разведёнка. Истинная дракона?

Глава 1

— Я больше к нему не вернусь! Лучше вообще без магии останусь! — объявил молодой человек, которого наставник привёл на восстановление связи, и Лиэра усомнилась, что до конца приёма они сумеют обойтись без новой ссоры. Последние четверть часа ученик порывался уйти, а мастер всякий раз объяснял ему, сколько лет впустую потратил на неблагодарную сволочь.

— Вот и останешься, если продолжишь в том же духе! — огрызнулся наставник. — Я предупреждал, чтобы ты не лез к защитному плетению! Сколько раз я должен повторить, что ты ещё не умеешь с ним работать?

— А когда научусь? Когда вы разрешите наконец что-нибудь делать? Я третий год подметаю вашу мастерскую!

Тэван попытался вмешаться, но мужчины уже не слушали. Лиэра почувствовала очередной болезненный рывок связи и рассердилась: спорить эти двое могли сколько угодно, однако помогать им с каждой минутой становилось труднее. Она отпустила ускользающее плетение и обратилась к ученику:

— Вы сейчас можете продолжать кричать и окончательно лишиться возможности учиться. Или расскажете мне, что именно произошло, и мы попробуем исправить повреждение. Мастер утверждает, что вы работали с защитой. Это так?

— Я хотел проверить, смогу ли её удержать. Раньше у меня получалось, когда он стоял рядом. А сам я даже ничего не успел сделать, она сразу ударила!

— Потому что рассчитана на двоих! — Наставник едва не вскочил с кресла, но Тэван велел ему оставаться на месте. — Я же объяснял тебе, бестолковый! Ты потянул через связь больше, чем мог принять!

— Сейчас уже понятно, что произошло, — сказала Лиэра. — Дайте нам закончить исследование, а потом решите, хотите ли продолжать занятия. Пока связь повреждена, работать вместе вы всё равно не сможете.

Ученик наконец притих, хотя недовольство никуда не делось. Лиэра понимала его желание поскорее научиться, но терпения сегодня ему явно недоставало, а наставник только подливал масла в огонь. Она дождалась, когда прекратятся рывки, и снова обратилась к связи, стараясь не слушать возмущённое сопение возле стола.

Между мужчинами проступила неровная полоса янтарного света. У края, который уходил к ученику, она рассыпалась на тонкие волокна, и некоторые уже не отзывались на прикосновение дара. Лиэра выделила повреждённое место и осторожно собрала уцелевшие нити, позволяя Тэвану рассмотреть их целиком.

Работу с ученическими связями она любила за ясность. Здесь сразу было видно, где нарушилось соединение и какой участок ещё держится, хотя исправлять чужую самонадеянность оказывалось куда утомительнее обычного исследования. Муж поддержал её воздействие, и Лиэра направила силу вдоль повреждения, стараясь сохранить ровный поток.

— Ещё немного, — попросил Тэван. — Удерживай так, пока я не скажу. Здесь глубже задело, чем показалось вначале.

Она усилила воздействие, и янтарные волокна начали соединяться. В пальцах появилось знакомое покалывание, а потом заныло предплечье, но нити уже выравнивались и Лиэра не

стала отвлекаться. Когда последний разрыв затянулся, она дождалась разрешения мужа и прекратила подавать силу.

— Попробуйте, — предложил Тэван наставнику. — Только без нагрузки, обычный отклик. Сейчас важно убедиться, что соединение восстановилось.

Ученик вздрогнул и невольно улыбнулся, а наставник с облегчением выругался. Лиэра ещё раз проверила восстановленный участок и убрала волосы, выбившиеся из косы: после напряжённой работы в кабинете стало жарко. Молодой человек выглядел так, словно уже готов был забыть, что обещал навсегда бросить обучение.

— На ближайшую неделю никаких сложных плетений, — предупредил Тэван. — Дальше сможете заниматься как прежде. Если снова почувствуете боль, сразу приходите, не пытайтесь исправлять сами.

Мастер поблагодарил его и велел ученику сделать то же самое. Тот пробормотал извинения, а у двери всё-таки оглянулся на Лиэру и сказал, что больше не станет лезть без спроса. Она пожелала ему терпения и с удовольствием проводила обоих: после их ухода хотелось хотя бы несколько минут не слышать ни одного возражения.

— Тяжёлое утро, — заметил Тэван, проверяя запись о приёме. — Зато успели до обеда. Ты в середине слишком ослабила поток, я думал, придётся начинать заново.

— Они всё время дёргали связь. Я боялась повредить то, что ещё осталось, пока они выясняли отношения. Когда перестали ругаться, стало легче.

— С такими нужно сразу строже, иначе сядут на шею. Но справилась ты хорошо. Завтра этих двоих не записывай, даже если придут просить проверить ещё раз, им сейчас надо дать связи восстановиться.

Лиэра согласилась и закончила запись. Благодарность ученика её порадовала, хотя он вполне мог уже завтра снова полезть туда, куда не разрешали. В восемнадцать ей тоже казалось, что достаточно как следует постараться и всё непременно получится, но за восемь лет работы рядом с мужем она научилась осторожности.

Тэван сверился со временем и предложил пообедать раньше. Следующие посетители ожидались только через два часа, и Лиэра охотно оставила кабинет: с утра она успела выпить чаю, а теперь проголодалась так, что готова была съесть всё, что найдётся на кухне. Они устроились в маленькой столовой с окнами во двор, где от любопытства клиентов можно было отдохнуть за закрытой дверью.

— Ты опять оставила себе край пирога, — сказал муж, заметив её тарелку. — Возьми середину, там начинки больше. Не понимаю, зачем ты каждый раз выбираешь то, что потом остаётся.

— Потому что люблю корочку. Мы столько лет женаты, Тэван, а ты всё ещё пытаешься меня накормить тем, что нравится тебе. Отдай лучше вон тот кусок, у него как раз край хороший.

Он засмеялся и придвинул блюдо. В такие минуты Лиэре нравилось, что можно обойтись без объяснений, даже если муж продолжал удивляться её привычкам. Они ели, обсуждали расписание и прикидывали, хватит ли времени завтра принять ещё одного человека, которому требовалось исследование перед заключением договора.

— Его можно поставить утром, — предложила она. — Там только проверка, мы должны успеть. Если, конечно, он не начнёт выяснять, что ему положено за его деньги, как в прошлый раз.

— Тогда утром и поставь. Сегодня можешь уйти после приёма, я закончу без тебя. Там разговор о стоимости, исследовать ничего не придётся. Ты ведь собиралась с Саярой в город?

Лиэра спросила, ждать ли его к ужину, и услышала, что он приглашён в гости. Тэван назвал знакомую ей фамилию, а потом заговорил о новом камзоле, который портной обещал доставить до вечера. Она напомнила, что тёмный ему ещё ни разу не удалось надеть, но муж

объяснил, что на этот раз заказал другой покрой, и попросил посмотреть, хорошо ли будет сидеть.

Она помнила, как когда-то ждала таких вечеров и сама придумывала, что наденет, если они пойдут вместе. Теперь её радовала перспектива остаться дома с книгой, а ужин можно было приготовить только на себя. Последние годы они спокойно обходились отдельными спальнями и разными планами на свободное время, сохраняя общую работу, дом и привычку советоваться по хозяйству.

После обеда Тэван вернулся к записям, а Лиэра переоделась к выходу. Светло-голубое платье она дошила накануне, и новое кружево удачно прикрывало старый шов у ворота. Белая коса спускалась почти до пояса; Лиэра расправила ткань на бёдрах и осталась довольна, решив, что сегодня всё-таки позволит себе купить подходящую ленту.

Саяра ждала её возле лавки, в которой они обычно выбирали отделку. Подруга была в новом плаще, и Лиэра успела похвалить цвет, прежде чем та объявила, что пришла только за пуговицами и больше ничего брать не станет. По довольному виду хозяина, уже выкладывавшего перед ней кружева, было понятно, что такое обещание он слышит далеко не впервые.

— Вы только посмотрите, госпожа Нэвель, — уговаривал он. — Ваш супруг вчера как раз говорил, что этот оттенок вам очень пойдёт. Могу отложить до конца недели, но потом не обещаю.

— Значит, откладывайте. И пуговицы тоже покажите, я всё-таки за ними пришла. Лиэра, скажи мне, что я не возьму ещё и ткань, иначе домой придётся возвращаться другой улицей, чтобы не видеть вывеску.

— Я собиралась просить тебя о том же. Мне нужна одна лента, а он уже достал целую коробку. Давай сначала выберем твоё, пока я не передумала.

За разговором они всё-таки справились с покупками. Хозяин записал заказ Саяры на счёт её мужа, а Лиэре завернул ленту, которую она долго сравнивала с платьем и наконец выбрала без помощи подруги. Когда они вышли, Саяра предложила пройти до пекарни и взяла её под руку, но привычной радости от удачного приобретения в её голосе Лиэра не услышала.

— Что случилось? Ты ещё в лавке была какая-то расстроенная. Я подумала, опять супруг отличился, но он, оказывается, тебе ткань выбирал.

— Ткань он и себе выбирал, заодно вспомнил обо мне. А я вчера встретила нашу портниху, помнишь, которая держала мастерскую возле площади? Мы у неё тебе платье к весеннему приёму заказывали.

Лиэра прекрасно помнила эту женщину и её привычку сердиться, если заказчица пыталась приподняться на носки во время примерки. Та сама подбирала отделку, браковала неудачные ткани и могла заставить ждать даже очень важную даму, когда работа ещё не была закончена. Тэван тогда ворчал, что платье обходится слишком дорого, зато потом несколько раз сказал, как хорошо оно село.

— Помню, конечно. Ты же говорила, они с мужем закрыли мастерскую. Переехали куда-то?

— Он с ней развёлся. Мастерскую продал, а её выставил, и она теперь стирает при постоялом дворе на Нижней улице. Я шла мимо, услышала, как её зовут, и с трудом узнала.

Лиэра остановилась, заставив подругу тоже задержаться. У неё перед глазами всё ещё стояла прежняя портниха: аккуратная причёска, дорогое платье, булавки в маленькой подушечке у запястья. Она не могла представить её во дворе среди чужого грязного белья, и Саяра продолжила уже без вопросов:

— Похудела ужасно, лицо совсем серое. Руки красные, потрескавшиеся, она их под фартук спрятала, когда увидела, что я на неё смотрю. Я спросила, почему она хотя бы шить не возьмётся, а она говорит, никто заказов не даёт. Прежние клиентки узнают и проходят мимо, а в мастерские её не берут.

— Сволочь! Он же ни одного платья в жизни не сшил, даже в заказах не разбирался. Заезжал деньги забрать и проверить, сколько потрачено!

— А мастерская его, Лиэра. У него все бумаги и право делать с ней что угодно. Она попросила оставить хотя бы рабочие инструменты, но он решил, что продавать всё вместе выгоднее.

— Я думала, у неё родня есть, — сказала она. — Она однажды про сестру рассказывала. Неужели совсем никого не осталось?

— Сестра сама при муже живёт. Он и слышать не хочет о разведёнке в своём доме, ещё бы соседи узнали. А отец у неё давно умер, я вчера спросила.

Лиэра молчала, вспоминая, как за примеркой эта женщина рассказывала о предстоящем ужине и торопилась закончить работу к приходу мужа. Ей тогда хотелось успеть всё: выдать заказы, купить что-нибудь к столу и забрать готовый воротник, который она ему шила. Лиэра ещё посмеялась, что они обе никак не научатся отдыхать, пока есть чем заняться.

— Она хоть комнату нашла? — спросила она, когда они снова пошли. — На Нижней улице дорого, если снимать одной. За стирку столько не дадут.

— Ей позволили спать возле прачечной, там кладовка пустовала. Берут за место и за еду, а что остаётся, она откладывает на обувь. Сказала, прежняя совсем развалилась и ноги мокнут, когда идёт за водой.

Саяра говорила всё тише, и Лиэре уже не хотелось заходить в пекарню. Они дошли до свободной скамьи у небольшой площади и сели, оставив покупки рядом. По улице шли женщины в хороших плащах, останавливались перед витринами и выбирали, куда свернуть. Одна привела девочку в меховой шапочке, которая уговаривала мать купить сладостей и громко обещала больше ничего сегодня не просить.

— Я дала ей денег, — призналась Саяра. — Немного, сколько с собой было, потому что она стояла в этой рваной обуви и всё пыталась от меня спрятаться. Сначала брать не хотела, а потом спросила, не сердится ли на меня муж за такие траты.

— Ты ему сказала? Он же её тоже знает. Вы ведь у них на празднике были, когда мастерскую расширили.

— Сказала, что встретила. Он велел больше туда не ходить, иначе начнут болтать, зачем я с разведёнкой вожусь. И добавил, что она наверняка сама виновата, раз муж от неё отказался.

Лиэра возмущённо выругалась, но Саяра только устало пожала плечами. Пятнадцать лет брака научили её вовремя прекращать спор, особенно когда супруг считал вопрос решённым. Последние десять лет они жили каждый своей жизнью, и подруга не собиралась проверять, сколько её возражений он готов выслушать, прежде чем вспомнит, что может освободиться от этого союза.

— Ты ведь сама понимаешь, как это бывает, — сказала она. — Сегодня знакомые здороваются и зовут в гости, завтра муж оборвёт связь, и всё. Даже сестра не сможет тебя пустить, если её супруг против. Я вчера домой пришла и долго сидела, пока заставила себя перестать об этом думать.

— Хорошо, что Тэван не такой, — сказала Лиэра. — Мы давно живём без любви, но я знаю, что он со мной так не поступит. Он и сам однажды говорил, что порядочный мужчина не станет обрывать связь, если жене потом не на что жить.

— Мой тоже не станет, я думаю. Он любит, когда у него всё прилично, а развод всё-таки и мужчине репутацию портит. Знаешь, я вчера даже обрадовалась, когда он начал ругать меня за деньги, хотя обычно злюсь. Значит, ему ещё есть дело до того, куда я их трачу.

Саяра попыталась улыбнуться, но Лиэра не смогла ответить тем же. Ей вспомнилась холодная кладовка, в которой теперь ночевала знакомая, и при мысли о таком будущем захотелось поскорее вернуться домой. Пусть Тэван снова рассказывает о выгодных клиентах, пусть уходит вечером и не зовёт её с собой, зато у неё есть куда прийти и с кем завтра работать.

— Он опять с кем-то встречается? — спросила она, когда подруга наконец отвлеклась на покупки. — Ты в прошлый раз сердилась, что ему всё время понадобилось ездить на другой конец города. Так и ездит?

— Теперь ещё чаще. Мне сказали, новая женщина совсем молоденькая, и он ей подарки возит. Представляешь, со мной о цене пуговиц спорит, а там, наверное, щедрый до невозможности.

— Ты же его не любишь. Или тебе всё-таки хочется, чтобы он вернулся? Я уже не понимаю, когда ты про него рассказываешь.

— Не хочется, мне и так хорошо. Но неприятно, что он ради неё всё бросает, а мне однажды в карету сесть помочь поленился. Можно подумать, я за пятнадцать лет совсем перестала быть женщиной!

Лиэра обняла её за плечи и посоветовала надеть новое платье на ближайший приём. Саяра возразила, что приём будет скучный, но затем принялась обсуждать отделку и постепенно повеселела. О женщинах Тэвана Лиэра могла говорить без такого раздражения: когда любовь прошла, ей стало всё равно, ради кого он заказывает камзолы и задерживается в гостях.

— А ты совсем не ревнуешь? — спросила Саяра. — Он ведь ещё молодой, наверняка вокруг него вертятся. Тебя никогда не задевает, когда кто-нибудь начинает рассказывать?

— Меня задевает, когда начинают рассказывать, а я не спрашивала. Я с ним уже несколько лет отдельно сплю и обратно не хочу. Если никто не будет посвящать меня в подробности, я вообще буду довольна.

Саяра рассмеялась и вспомнила, что так и не отдала книгу. Она достала из сумки старый том по исследованию связей, который Лиэра безуспешно искала у знакомых, и предупредила, что супруг велел вернуть до конца месяца. Лиэра поблагодарила и пообещала беречь: ей хотелось прочитать объяснение нескольких рабочих приёмов, о которых Тэван говорил слишком общо, полагая, что для помощницы этого хватит.

Домой она вернулась к вечеру, когда портной уже доставил камзол. Тэван примерял его перед зеркалом и попросил посмотреть, не тянет ли на плечах. Лиэра похвалила посадку и предложила другую застёжку, а муж остался доволен и заметил, что ей тоже пора заказать что-нибудь новое, если они собираются зимой выезжать.

— Я сегодня в новом, — напомнила она. — Ты утром даже не заметил, хотя я долго возилась с воротом. Саяра говорит, этот цвет мне идёт.

— Конечно идёт. У тебя глаза такие же, разве я когда-нибудь говорил иначе? Купи ещё ткани, если понравилась, только не у того торговца, который в прошлый раз тебя обсчитал.

Лиэра согласилась, прикидывая, сколько ткани понадобится на ещё одно платье. Тэван часто не замечал мелочей, зато никогда не запрещал ей брать необходимое и не требовал объяснять каждую потраченную монету. После разговора с подругой это особенно успокаивало, хотя радость от новой ленты испортилась и возвращаться мыслями к покупкам уже не хотелось.

— Пришло из палаты, — сказал муж, вспомнив о письме на столе. — Посмотри, пока я собираюсь. Если там опять про взносы, придётся пересчитать расходы на следующий месяц.

Лиэра раскрыла уведомление и прочитала первые строки, а потом вернулась к началу, надеясь, что поняла неверно. Палата вводила обязательное подтверждение дара для женщин, участвующих в работе супругов. Явиться требовалось вместе с мужем, подать его письменное согласие и уплатить сбор. Отдельно подчёркивалось, что полученный допуск не даёт права проводить исследования и обряды самостоятельно.

— Теперь ещё и за это платить? — спросила она. — За то, чтобы мне позволили делать ту же работу, которую я делаю восемь лет? Тэван, ты видел сумму?

— Видел, когда письмо принесли. Надо будет узнать, касается ли это всех или только новых помощниц. Не думаю, что нас заставят проходить заново, у меня давно действующее разрешение.

— У тебя! А тут написано про женщин, которые помогают держателям разрешений. Ни слова о том, сколько мы работаем и нужно ли нам вообще что-то доказывать после всех этих лет.

Муж попросил дать ему прочитать и нахмурился над листом. Лиэра ждала, пока он закончит, чувствуя, как возвращается утренняя усталость: нужно было одолеть трудную работу, успокоить клиентов, потом заполнить записи, а теперь за право продолжать всё это требовалось снова платить. Разрешение помощницы прежде ей никто не выдавал, хватало того, что практику держит супруг и она работает при нём.

— Я узнаю, — повторил Тэван. — Если касается, оформим как положено. Ты же сама не станешь ходить по палате и выяснять, а мне всё равно на следующей неделе туда ехать.

— Почему я должна просить твоего согласия на подтверждение моего дара? Он у меня появился задолго до того, как мы поженились. Может, мне ещё и пользоваться им теперь без твоей подписи нельзя?

— Не передёргивай, Лиэра. Если женщина работает при муже, он за неё и отвечает. Иначе завтра каждая начнёт утверждать, что умеет проводить обряды, а разбираться с последствиями придётся палате.

— А мужчинам можно утверждать? Среди них не бывает тех, кто берётся за дело и не справляется? Мы сегодня как раз одного принимали, только ему восемнадцать и до разрешения ещё далеко, а взрослые почему-то сразу считаются разумными!

Тэван вернул уведомление и велел не злиться заранее. Порядок установлен, ничего от её возмущения не изменится, а с чиновником он сам договорится, если понадобится. Он уже опаздывал и потому попросил отложить разговор до завтра, оставив Лиэру с документом, который хотелось разорвать на мелкие клочки.

Она удержалась и дочитала до подписи. Ардан Вейр, глава палаты и правитель, снова решил, что ведьмам недостаёт надзора. Лиэра с трудом подавила желание выругаться ему вслед, хотя сам он ничего бы не услышал. С ним даже Тэван не стал бы спорить, хотя перед женой охотно рассуждал о том, как легко умеет договариваться в палате.

Лиэра видела его в городе однажды, когда он выходил из палаты. Люди торопливо освобождали проход, а пожилой мужчина, только что громко возмущавшийся отказом чиновника, вдруг замолчал и отступил за чужие спины. Ардан даже не посмотрел в его сторону: ему открыли дверцу кареты, и он уехал, оставив после себя притихшую толпу.

Она тогда успела рассмотреть чёрные волосы, красивый профиль и тёмные глаза, от которых почему-то стало не по себе даже на расстоянии. На официальных портретах он выглядел таким же, только живой оказался ещё красивее, и Лиэра потом сердилась на себя за то, что вообще это заметила. Вдовствующий правитель, один из трёх сильнейших глав драконьих родов, мог бы привлекать женщин без всяких усилий, если бы не был столь отвратительным человеком.

Двадцать лет назад у него погибла истинная, и Лиэра знала об этом, как знали все в городе. Возможно, после её смерти он и решил, что остальных женщин следует держать подальше от всего, чем они хотят заниматься, однако жалеть его из-за этого у Лиэры не получалось. Утрата жены не давала ему права распоряжаться чужим даром, словно женщины получали его исключительно для удобства мужей.

Лиэра убрала уведомление в книгу, чтобы завтра показать мужу ещё раз, и осталась сидеть за столом. Подчиниться придётся, как подчинялись другим распоряжениям, и за это Ардана Вейра она ненавидела. Ей никак не удавалось понять, зачем человеку с такой властью постоянно напоминать женщинам об их бесправии и как настолько красивый мужчина мог быть такой сволочью.

Глава 2

— Вы хотите, чтобы я отменил приказ, потому что ваша жена не желает идти на проверку? — спросил Ардан, глядя на мага, который успел удобно расположиться в кресле. — Или вы пришли сообщить, что больше не нуждаетесь в разрешении на практику? Во втором случае разговор займёт значительно меньше времени.

Посетитель убрал ногу с колена и выпрямился. До этого он с удовольствием рассказывал, как давно знаком с распорядителем палаты, сколько важных клиентов принимает и каких успехов добился за последние годы. Ардан выслушал его ради одного: хотел узнать, кто именно обещал этому самодовольному болвану исключение из нового порядка.

— Мой господин, я, вероятно, неудачно объяснил. Моя супруга работает со мной одиннадцать лет, её способности давно известны. Мы полагали, что подтверждение дара потребуется только тем, кто недавно начал помогать мужьям.

— Кто это мы? Назовите второго человека, который полагает, что вправе толковать мои распоряжения.

Маг покраснел и поправил дорогую застёжку на вороте. Ардану хотелось велеть ему убрать руки: тот возился с ней с самого начала приёма, всякий раз, когда требовалось отвечать по существу. Мужчина наконец оставил украшение в покое и заговорил без прежней уверенности:

— Я имел в виду нас с женой. Она прочитала уведомление и решила, что произошла ошибка. Я обещал выяснить, поскольку мы всегда соблюдали требования палаты.

— Вот и продолжайте соблюдать. Приведёте её в назначенный день и заплатите сбор. Не вижу, что именно здесь требует личного разъяснения.

— Безусловно, мой господин. Но у нас приёмы расписаны на две недели, и я надеялся, что многолетняя работа всё-таки позволит...

— Позволит вам не подчиняться? Перенесёте приёмы, если иначе не умеете распоряжаться временем. И предупредите супругу, что её неудовольствие меня не интересует.

Ардан вернул ему прошение, на котором не собирался оставлять подпись. Маг прижал лист к краю стола, продолжая сидеть, и это окончательно испортило правителю утро. Он терпеть не мог людей, принимавших возможность говорить за право добиваться ответа до тех пор, пока им не понравится результат.

— Она опасается, что проверку поручат неопытному служащему. Всё-таки ведьмовской дар имеет особенности, и моя жена умеет то, с чем другой проверяющий может быть незнаком. Я подумал, что вы сочтёте возможным принять моё поручительство.

— Вашей жене поручено помогать вам, а не определять, кто достаточно опытен, чтобы её проверять. Если вы не сумели объяснить ей разницу, начните с этого. Заодно избавите меня от следующего бессмысленного прошения.

Лицо посетителя пошло пятнами, и Ардан заметил, как тот заставляет себя разжать пальцы на бумаге. Возражать мужчина уже не пытался, но уходить по-прежнему не спешил. Наверняка ждал, что теперь можно будет попросить хотя бы об отсрочке.

— Кто посоветовал вам прийти ко мне? — спросил Ардан. — Только не вздумайте ещё раз упомянуть жену. Она вряд ли распоряжается списком посетителей палаты.

— Ваш распорядитель сказал, что вы рассматриваете особые случаи. Я не просил его ничего нарушать! Мы давно знакомы, и он предложил подать прошение в обычном порядке.

Ардан вызвал служащего, который принимал бумаги, и велел пригласить распорядителя. Посетитель тут же принялся объяснять, что произошла досадная путаница, но правитель оборвал его требованием встать. К моменту, когда дверь открылась, маг уже стоял перед столом, сминая край своего прошения.

Распорядитель вошёл с почтительным поклоном и остановился, заметив знакомого. Ардан знал этого человека достаточно давно, чтобы различить перемену в его обычной любезности. Сейчас тот даже не попробовал улыбнуться.

— Ты предлагаешь практикам особые условия? — спросил Ардан. — Или ещё не прочёл распоряжение, которое должен исполнять? Тогда садись, прочитаешь при мне.

— Я ознакомился, мой господин. Речь шла только о возможности подать прошение. Решать за вас я бы не посмел.

— А тратить моё время посмел! До конца дня проверишь все заявления и уберёшь из списка просьбы об освобождении от проверки. Каждому передашь, что в следующий раз вместо объяснений он получит требование сдать разрешение.

— Будет исполнено. Я должен уточнить, касается ли это также...

— Всех! Ты сейчас же выйдешь отсюда и займёшься делом. Или останешься объяснять, для кого ещё успел приготовить исключение.

Распорядитель побледнел и заверил, что никаких исключений не будет. Маг тоже заговорил, принося извинения за недоразумение и обещая явиться вместе с супругой. Ардан отпустил обоих, не дожидаясь, когда они закончат благодарить за приём.

За дверью посетитель что-то торопливо сказал распорядителю, и правитель услышал раздражённое шипение в ответ. По крайней мере, теперь они перестанут считать давнее знакомство достаточным основанием для очередной поблажки. Ардан потребовал следующие бумаги и продолжил работу, хотя тупая боль под рёбрами уже мешала сидеть неподвижно.

Она появилась ещё утром, когда он одевался, и с тех пор то ослабевала, то возвращалась. Ардан давно научился не прикасаться к больному месту при людях. Сегодня хотелось распустить ворот и встать, но за дверью ждали, а оставлять палату раньше назначенного времени он не собирался.

К полудню он успел разобрать остальные прошения, отказать двум просителям и заставить секретаря заново подготовить письмо, в котором поручение зачем-то превратили в предложение. Когда подали карету, Ардан вышел через главный вход. Ожидавшие возле ступеней люди расступились, и кто-то начал снимать шапку, хотя правитель даже не задержался рядом.

Во дворце его встретил Ортан с папкой приглашений. Управляющий посмотрел на сопровождавшего Ардана секретаря и отступил, пропуская правителя к лестнице. Ардан уже по выражению его лица понял, что разговор не ограничится временем ужина.

— Если это опять про охоту, откажи. В прошлый раз ты сумел растянуть такую ерунду на полчаса, сегодня я слушать её не намерен.

— Приглашение на охоту тоже есть, мой господин, — ответил Ортан, поднимаясь следом. — Но прежде вам следует узнать о приёме в конце недели. Организаторы просят подтвердить присутствие, поскольку хотят согласовать представление гостей.

— Для этого у тебя есть секретарь. Или вы вдвоём не способны составить список без меня?

— В список хотят внести девушку, которую вы уже отказались принимать. Её отец утверждает, что вы могли неверно понять цель представления. Он просит дать дочери возможность выразить вам почтение.

Ардан остановился у дверей кабинета и потребовал папку. Отказать этому человеку пришлось ещё весной, когда его супруга решила, что правителю необходимо увидеть их дочь на празднике, затем летом появился повод пригласить девушку во дворец вместе с родственницами. Теперь семейство, очевидно, собиралось сделать вид, что прежних ответов вовсе не получало.

— Передай ему, что я всё понял с первого раза. Пусть пристраивает дочь там, где готовы её взять. У моего дома этой семье делать нечего.

— Он уверяет, что дочь мечтает увидеть дворец. Возможно, при переписке он решил придать просьбе более невинный вид. Я счёл нужным сообщить вам, прежде чем отвечать повторно.

— Мне плевать, какой вид он придаёт своей наглости! Девчонка будет стоять в общей зале рядом с остальными гостями, если её вообще пригласили. Ни отдельного представления, ни места за моим столом она не получит.

Ортан подтвердил, что передаст ответ, и убрал письмо. Управляющий служил ему достаточно долго, чтобы не рассуждать о достоинствах очередной девушки. Когда-то другие пытались, и Ардан до сих пор помнил, как один из родственников принялся перечислять достоинства будущих наследников, словно оставалось только выбрать подходящую мать.

За двадцать лет он выслушал немало рассуждений о необходимости продолжить род. Некоторых приходилось обрывать на первой фразе, другие ухитрялись начать с совершенно постороннего вопроса и всё равно заканчивали чьей-нибудь дочерью. Любая семья была готова уверять его, что именно их девица сумеет заполнить пустое место во дворце и его постели.

Эйла на такое предложение рассмеялась бы и непременно спросила, как они определили размер этого места. Она вообще любила задавать вопросы, после которых самоуверенные гости начинали искать поддержки у мужа. Ардан однажды сделал ей замечание за ужином, а потом ещё долго слушал, что ему следует приглашать людей, способных поддержать разговор без заранее выученных комплиментов.

Он помнил, как злился тогда на её упрямство. Теперь даже эта ссора была подробностью короткой жизни, в которой жена могла дождаться его к вечеру и рассердиться, если он снова забывал предупредить, что задержится. Два года брака, после которых двадцать лет ему настойчиво предлагали других женщин.

— Приём я подтверждаю, — сказал Ардан, возвращая папку. — Передай, чтобы убрали отдельное представление девушек из программы. Желающие похвастаться дочерьми обойдутся без моего участия.

— Отдельного представления пока нет, мой господин. Его хотели добавить, если вы согласитесь. Я прослежу, чтобы к этому вопросу больше не возвращались.

— Проследи за всем списком. Не хватало ещё приехать и обнаружить за столом десяток благородных семейств, которым вздумалось осчастливить меня родством.

Ортан забрал письма и напомнил, что смотритель дорог ожидает в малой приёмной. Ардан велел впустить его после обеда, а управляющему приказал отменить вечерний доклад по дворцовым расходам. К этому времени под рёбрами уже тянуло при каждом глубоком вдохе, и ещё один человек с перечнем мелких забот мог дождаться следующего дня.

Есть пришлось почти без аппетита. Ардан отодвинул недоеденное и выпил воды, проверяя по часам, сколько времени осталось до встречи. Обычно за столом удавалось немного отдохнуть от людей, но сегодня он всё возвращался к распорядителю палаты, который наверняка побежал утешать приятеля и уверять, что тот выбрал неудачный день.

Пожалуй, следовало сразу заставить его самого разбирать каждую жалобу на новую проверку. Женщины будут возмущаться, мужья — выпрашивать уступки, а потом кто-нибудь решит, что достаточно переждать и всё забудется. Ардан слишком хорошо знал, как быстро отсутствие надзора превращается в уверенность, что можно делать что угодно.

Смотритель явился с картой и начал с извинений за беспокойство. На рукаве у него засохла дорожная грязь, и Ардан хотя бы не сомневался, что до дворца он успел побывать там, о чём собирался докладывать. Чиновник разложил карту и показал участок за восточными воротами, где после дождей размыло дорогу возле склона.

— Два воза успели пройти утром, потом край осыпался. Мы закрыли проезд и поставили людей на развилке, чтобы отправляли в объезд. Но по верхней дороге тяжёлые повозки не поднимутся, придётся разгружать.

— Когда начнёте укреплять склон? И почему я узнаю об осыпи после того, как там проехали два воза?

— Первый возница заметил трещину, второй вернулся и сообщил нам. Я отправил людей сразу, мой господин. Дерево и камень подвозят, но мастер просит прежде осмотреть весь склон сверху, там могло размыть ещё в нескольких местах.

Ардан знал этот поворот. Дорога огибала длинный уступ, а над ней тянулся пологий склон, по которому во время дождей стекала вода. С воздуха весь участок был хорошо виден, особенно сейчас, когда на деревьях почти не осталось листьев.

— Кого отправил на осмотр? У тебя люди ждут, пока ты вернёшься с картой?

— Двое уже пошли верхней тропой. Но я надеялся, вы сможете взглянуть сами, когда полетите. Вам от дворца совсем недалеко, а сверху вы сразу заметите, где ещё может сойти земля.

Ардан посмотрел на отмеченный участок, и на мгновение ему захотелось швырнуть карту в просителя. Тот стоял перед ним с обыкновенной деловой просьбой, как стоял несколько лет назад, когда весной река подмыла опоры переправы. Тогда Ардан даже не дослушал объяснения, вылетел вместе с двумя драконами из охраны и к вечеру уже знал, куда направлять рабочих.

Теперь ему предлагали пролететь над дорогой, а он сидел в кресле и прикидывал, сумеет ли вообще подняться в воздух. За последний месяц он ни разу не обращался. После предыдущего полёта пришлось до следующего утра оставаться в покоях, ссылаясь на работу, которую нельзя было отложить.

— Ты собираешься чинить дорогу или ждать, когда я найду время летать над каждой ямой? Назначишь ответственного за осмотр и к вечеру принесёшь мне его заключение. Если сам не способен решить, кого послать, освободи должность для того, кто способен.

— Люди осмотрят, мой господин. Я только хотел попросить вас...

— Я услышал, что ты хотел. До завершения работ проезд останется закрытым, тяжёлые грузы повезут частями. Если кто-то попробует пропустить воз за плату или по знакомству, отвечать будешь ты.

Смотритель поспешил заверить, что такого не допустит, и начал сворачивать карту. Ардан потребовал оставить её, а затем спросил, сколько людей нужно для укрепления склона. Получив ответ, он велел прислать расчёт расходов вместе с заключением мастера и отпустил чиновника.

Когда тот вышел, Ардан ещё некоторое время смотрел на проведённую чернилами дорогу. Дело было простым, он мог бы управиться до ужина и заодно проверить участок у реки. Даже захотелось вызвать охрану и приказать готовиться к вылету, чтобы больше не сидеть над проклятой картой.

Он заставил себя вернуться к бумагам. Через четверть часа секретарь принёс письмо, в котором требовалась подпись, и Ардан отправил его обратно, заметив, что тот забыл приложить упомянутое соглашение. Ошибка была пустяковой, но правитель уже не мог слушать извинения и велел впредь проверять документы до того, как входить в кабинет.

Работа заняла остаток дня. Доклад смотрителя доставили вовремя, и Ардан прочитал его дважды, убедившись, что верхняя часть склона не угрожает дороге. Потом он утвердил расходы, отослал бумаги и приказал никого к нему не пускать до утра.

В покоях оказалось непривычно душно, хотя огонь в камине едва успели развести. Ардан велел оставить его одного и вышел на широкую открытую террасу. Здесь можно было обратиться, не опасаясь задеть крыльями крышу, а с нижнего двора его не видели за высокой каменной оградой.

Он часто взлетал отсюда раньше. Ему нравилось выходить ночью, когда дворец уже спал, и возвращаться к рассвету, после нескольких часов над лесами и полями. Дракон охотно отзы-

вался даже на случайное желание полететь, и Ардан иногда сам оказывался у дверей террасы, прежде чем решал, что свободен до утра.

Сегодня он позвал зверя и ждал, глядя поверх ограды на дальние деревья. Ветер трепал волосы, ворот рубашки уже не мешал дышать, а под рёбрами постепенно перестало тянуть. Ардан позволил себе подумать, что утро оказалось тяжёлым из-за дурно проведённой ночи и за день он всё-таки сумел восстановиться.

Дракон отозвался слабым теплом, которое почти сразу погасло. Ардан попробовал снова, направляя к нему силу, и ощутил знакомое движение внутри, медленное, неохотное. Зверь был здесь, никуда не исчез, но привычного порыва, от которого прежде хотелось поскорее избавиться от человеческого тела, не последовало.

— Давай, — потребовал Ардан, уже не заботясь о том, что говорит вслух. — Мы даже не полетим. Обернёмся и вернёмся обратно, ты способен хотя бы на это.

Он почувствовал, как сила собирается под кожей, и позволил ей пройти вдоль плеч. На предплечье выступили несколько тёмных чешуек, пальцы свело, а боль под рёбрами вернулась так резко, что пришлось остановиться. Ардан удерживал начавшееся изменение, ожидая, когда дракон подхватит его, но зверь едва отзывался.

Продолжать было нельзя. Ещё немного, и завершать обращение придётся за счёт того, что оставалось у самого Ардана, а потом никто не сможет объяснить, почему правитель не вышел к завтраку. Он прекратил подавать силу и дождался, пока чешуя исчезнет, оставив на коже неровные красные пятна.

Ему хотелось разбить каменную ограду, стоявшую перед ним. Руки всё ещё были достаточно сильными, чтобы свернуть человеку шею без помощи дракона. Он мог часами работать, держать оружие, подниматься по дворцовой лестнице, а обращение, которому научился ещё мальчишкой, теперь требовало усилия, на которое не хватало сил.

Ардан отошёл от края и сел на скамью возле стены. Возвращаться в комнату, где могли появиться слуги, пока не хотелось. Он расстегнул мешавшую застёжку рукава и обнаружил, что пальцы всё ещё плохо слушаются после неудавшегося обращения.

Сначала полёты начали утомлять, и он отказался от дальних вылетов без необходимости. Потом перестал брать с собой охрану, поскольку не хотел, чтобы кто-нибудь заметил, как тяжело ему подниматься. Последний раз он возвращался во дворец так низко, что пришлось обогнуть холм вместо привычного подъёма над ним.

Двадцать лет он терял силу и привык рассчитывать на то, что оставшейся хватит. Теперь дракон почти не мог обратиться, и Ардану пришлось признать, что следующий полёт может закончиться где-нибудь за городом. Там, где никто не станет слушать приказы и некому будет открыть дверь, пока он пытается снова принять человеческий облик.

За дверью террасы послышались шаги, и Ардан велел вошедшему оставаться в комнате. Ортан сообщил, что привёз бумаги из палаты, которые правитель потребовал к вечеру. Ардан совсем забыл о них, когда отправлялся наверх.

— Оставь в кабинете. Я сказал, до утра ко мне никого не пускать, тебя это тоже касается.

— Простите, мой господин. Мне передали, что вы велели доставить их лично. Я оставлю папку и распоряжусь, чтобы вас больше не беспокоили.

Ардан дождался, когда управляющий уйдёт, и попытался снова почувствовать дракона. Тот отозвался, но на этот раз правитель не стал требовать от него ничего. Несколько минут он сидел, позволяя уйти дрожи в пальцах, а потом поднялся и вернулся в комнату.

На столе возле кровати лежало приглашение на охоту, которое Ортан оставил вместе с остальными письмами. Ардан вспомнил, что до неё ещё четыре дня и он вполне мог успеть отдохнуть. Прежняя привычка рассчитывать на восстановление всё ещё заставляла откладывать отказ, словно стоило подождать до утра и дракон снова потянется в небо.

Он взял чистый лист и написал управляющему отменить участие. Причину указывать не стал, а внизу добавил, чтобы утром подали карету к обычному времени. Завтра в палате должны были докладывать о начале проверок, и Ардану хотелось лично увидеть, как распорядитель исполняет приказ.

Записку он оставил поверх приглашения и погасил свет, но раздеваться не торопился. На предплечье всё ещё виднелись следы выступившей чешуи, и он провёл по ним пальцами, вспоминая, как мало успел сделать на террасе. Во время последнего полёта он сумел подняться в небо, а теперь отправит Ортана с отказом и будет ждать, пока другие драконы вернутся с охоты.

Глава 3

Тэван попросил её отложить записи, когда до первого приёма оставалось меньше часа. Лиэра как раз искала свободное время для человека, которого они накануне решили принять утром, и подняла глаза на мужа, ожидая очередной перемены в расписании. Он был уже одет к работе, но вместо привычного вопроса о клиентах предложил ей сесть.

— Ты опять кого-то пообещал принять без записи? — спросила она. — Если разговор долгий, давай после обеда. Нам ещё договор нужно посмотреть, я вчера только начало успела.

— Договор подождёт, у нас есть время. Я хочу сначала рассказать тебе о вчерашнем вечере. Всё получилось удачнее, чем я рассчитывал, и теперь можно обсудить, как нам дальше быть.

Лиэра оставила раскрытую книгу на столе и устроилась напротив. Вчера он ушёл в новом камзоле, обещав не задерживаться, но вернулся, когда она уже спала. Спрашивать утром, хорошо ли провёл время, ей не пришло в голову, однако сейчас Тэван явно собирался поделиться чем-то важным и едва скрывал улыбку.

— Я был у Дэрвалей, — сообщил он. — Помнишь, я говорил, что познакомился с его дочерью? Эйлина, мы с ней встречались последние месяцы. Вчера её отец согласился на наш брак.

Лиэра посмотрела на мужа, пытаясь понять, почему он продолжает улыбаться. Фамилия была знакомой, он назвал её, когда собирался на ужин, но о дочери Тэван прежде говорил вскользь. Кажется, похвалил её игру на каком-то вечере и сказал, что девушка очень мила.

— На брак? — переспросила она. — Тэван, ты сейчас о чём? Мы с тобой ещё женаты.

— Именно это я и хочу обсудить. Нам придётся оборвать связь, прежде чем назначать свадьбу. Я не стал поднимать вопрос раньше, пока не получил согласия Рэймона, чтобы зря тебя не тревожить.

Он придвинул кресло, как делал обычно, когда они вместе разбирали записи после трудного приёма. Лиэра невольно отодвинулась, освобождая место для его колена, и рассердилась на эту привычку уступать ему даже сейчас. Тэван уже заговорил о том, каким непростым оказался вчерашний разговор.

— Ты же понимаешь, ему хотелось для дочери свободного мужа из семьи с положением. Разведённый зять с небольшой практикой в его планы не входил. Я прекрасно осознавал, на что иду, но Эйлина настояла, чтобы он меня выслушал, и в конце концов он согласился.

— А меня выслушать вы с Эйлиной не собирались? Или ты решил, что согласия её отца нам обоим хватит?

— Лиэра, я затем и говорю с тобой сейчас. Рэймон спросил, действительно ли мы давно не живём как супруги, и я объяснил, что у нас общее дело и взаимное уважение. Он отнёсся с пониманием, хотя ты знаешь, как в его кругу смотрят на развод.

Она знала и продолжала смотреть на Тэвана, всё ещё надеясь, что он хотя бы спросит, что будет с ней. Муж заговорил о том, насколько Рэймон привязан к единственной дочери, как внимательно выслушал её и какие слова нашёл, когда дал согласие. Тэван пересказывал их почти с благодарностью, о которой Лиэра уже начинала догадываться.

— Он сказал, что не станет лишать Эйлину счастья из-за того, что могут подумать посторонние. Представляешь, человек его положения! Мог бы просто запретить ей со мной встречаться, а вместо этого обещал помочь устроить нашу жизнь.

— Как великодушно с его стороны. А ты ему сказал, что у тебя есть жена, которой после этого негде будет жить?

— Я сказал, что позабочусь о тебе. Конечно сказал, он и сам спросил. Ты почему сразу решила, что я собираюсь оставить тебя без средств?

Лиэра хотела потребовать объяснений, но муж, очевидно, принял её вопрос за возможность перейти к приятной части. Он выпрямился, оживлённо заговорил о практике и принялся перечислять людей, с которыми Рэймон обещал его познакомить. Среди них были те, к кому Тэван годами пытался попасть, получая в ответ вежливые отказы.

— У него такие связи, Лиэра! Одного его слова хватит, чтобы нас начали приглашать в дома, где до сих пор о нас даже слышать не хотели. Он предложил подобрать помещение возле площади, с отдельным входом и большой приёмной. Мы наконец перестанем принимать людей там, где живём!

Он уже прикидывал, сколько клиентов они смогут обслужить, если перестроить расписание и нанять человека для записей. Лиэра слушала знакомые рассуждения о развитии дела, которые прежде охотно поддержала бы, и чувствовала, как к щекам приливает жар. Муж произносил привычное «мы», хотя только что сообщил, что женится на другой.

— Его знакомые готовы платить за постоянную работу, без торгов и этих бесконечных разговоров, почему исследование столько стоит, — продолжал Тэван. — Мы сможем заранее знать, сколько получим за месяц. Рэймон даже сказал, что поможет с первыми расходами, пока мы не устроимся. Он не обязан этого делать, понимаешь? Но ради дочери готов принять меня и поддержать во всём.

— Ты ждёшь, что я тебя поздравлю? — спросила Лиэра. — Объясни мне, пожалуйста, зачем ты всё это рассказываешь.

Муж замолчал и посмотрел на неё с недоумением. Улыбка исчезла, но он ещё, кажется, ждал, что она смягчит вопрос или признается, что неудачно пошутила. Лиэре захотелось встать, потому что сидеть и выслушивать дальше его радостные планы было уже невозможно.

— Я делюсь с тобой тем, что касается нас обоих. Ты прекрасно знаешь, сколько сил уходит на то, чтобы найти хороших клиентов. А здесь человек предлагает помочь, и мне не придётся годами добиваться того, что можно получить сейчас.

— Получай, Тэван. Только прежде объясни, какое место во всём этом ты приготовил мне. Ты ведь об этом тоже успел договориться?

Он нахмурился, словно наконец заметил, что разговор идёт совсем не так, как он предполагал. Лиэра ждала, чувствуя тошноту от мысли, что ещё вчера уверяла Саяру в его порядочности. Тогда хотелось поскорее вернуться домой, а сейчас человек, благодаря которому у неё был этот дом, с увлечением рассказывал, как замечательно освободится от жены.

— Ты останешься со мной работать, — ответил Тэван. — Я всё подсчитал. Будешь получать жалованье, хорошее для помощницы, и тебе не придётся ничего менять в самой работе.

Лиэра всё-таки поднялась и подошла к окну. На подоконнике лежали два письма от клиентов, которые она забрала утром, собираясь разобрать до начала приёма. В одном просили передать благодарность господину Тарвесу и записать родственника на следующий месяц, во втором уточняли цену обряда. Ещё полчаса назад она думала, что второе надо отложить, пока муж не посмотрит сложность связи.

— Ты предлагаешь мне приходить сюда за жалованьем? — спросила она. — После того как разведёшься со мной ради дочери Дэрваля? Я правильно тебя поняла?

— А что в этом плохого? Мы умеем работать вместе, у нас всё налажено. Я не собираюсь искать другую помощницу только потому, что меняется наше семейное положение.

— Моё семейное положение, Тэван! Ты женишься, а я стану разведённой! Мне после этого даже комнату сдадут только в том случае, если хозяин не побоится, что соседи начнут плеваться ему под ноги!

— Поэтому я и оставляю тебе работу! Ты сможешь платить, и со временем всё устроится. Не надо сразу представлять худшее, когда у нас есть вполне разумное решение.

Он встал следом за ней и попытался вернуть разговор к столу, предложив посмотреть расчёты. Лиэра позволила ему достать лист, потому что хотела увидеть, когда именно он успел

определить цену её дальнейшей жизни. На бумаге его рукой были записаны будущие расходы на помещение и человека в приёмной, а ниже стояла сумма, которую он собирался платить ей за месяц.

Она невольно начала считать. На комнату уйдёт почти половина, остальное придётся растягивать на еду, одежду, дрова и всё то, о чём прежде они договаривались, когда возникала необходимость. Теперь за каждую вещь ей нужно будет платить из этих денег и ждать следующего месяца, если случится что-нибудь непредвиденное.

— Вот, посмотри, — сказал Тэван, решив, видимо, что она наконец готова обсуждать условия. — Выплачивать буду регулярно, можешь не опасаться. Для начала даже раньше срока, чтобы ты спокойно устроилась.

— А доля от того, что мы заработали? Я восемь лет с тобой работаю. У тебя есть деньги на переезд и на свадьбу, а мне ты предлагаешь дождаться первого жалованья?

— Деньги идут на дело, Лиэра. Я оплачиваю дом, сборы, книги, твои расходы, наконец. Ты всегда получала всё необходимое, и я не понимаю, почему сейчас это вдруг перестало считаться.

Она посмотрела на открытый шкаф с рабочими книгами. Последний дорогой том они купили после того, как два месяца принимали по вечерам, поскольку днём не успевали обслужить всех желающих. Лиэра тогда читала его первой и делала для мужа выписки, чтобы за завтраком можно было сразу обсудить полезные места.

— Неужели за восемь лет я заработала только на платья и еду? Я рядом сидела, Тэван, на каждом приёме! И сейчас прошу отдать мне часть отложенного, чтобы я могла уйти.

При слове «уйти» муж отложил расчёты и обошёл стол. Лиэра заметила, что он уже не пытается улыбаться, и почему-то подумала о камзоле, который так удачно сел на плечах. Она сама выбирала к нему застёжку, пока он собирался просить согласия на брак, после которого ей придётся считать, хватит ли денег на дрова.

— Уйти куда? Ты уже нашла место? Или просто хочешь сделать мне неприятно, потому что я встретил женщину, с которой могу быть счастлив?

— Не смей говорить со мной о счастье! Я тебя не удерживала, когда ты ездил к своим женщинам, и никогда не спрашивала, где ты был! Мы с тобой о другом договаривались!

— О чём именно? Ты правда полагала, что я до конца жизни буду оставаться в браке, от которого давно ничего не осталось? Лиэра, тебе двадцать шесть, мне двадцать девять, мы ещё молодые люди. Я имею право хотеть семью.

Она почувствовала, как дрогнули губы, и отвернулась к окну, чтобы не заплакать при нём. За восемь лет они успели и любить друг друга, и поссориться так, что не хотелось разговаривать несколько дней, и наконец привыкнуть к жизни, в которой никто уже не ждал примирения в общей постели. Но даже тогда Тэван говорил, что она может не беспокоиться о будущем, что порядочный мужчина не выставляет женщину за дверь, если чувства прошли.

— Ты обещал, что не оборвёшь связь. Помнишь, как сам рассказывал о мужчинах, которые так поступают с жёнами? Ты их сволочами называл, Тэван!

— Я никого не выставляю за дверь! Ты остаёшься при деле и с деньгами, а ведёшь себя так, словно я отнял у тебя всё и выгнал на улицу. Мне ещё извиняться за то, что я о тебе позаботился?

Лиэра обернулась и увидела его сердитое лицо. Он ждал ответа, глядя ей в глаза, и она вдруг не нашла ни одного слова, которое могло бы заставить его понять. Захотелось пройти мимо, выйти из кабинета и хотя бы несколько минут не слышать, какой он благородный человек.

Она направилась к двери, но в прихожей уже звонили. Лиэра остановилась, вспоминая о договоре, который так и не успела дочитать, а Тэван выругался и посмотрел на часы. Он пригладил волосы перед зеркалом и велел ей подготовить кабинет, пока встретит посетителя.

Господин, записанный на утро, вошёл с туго набитой папкой и сразу принялся объяснять, что привёз ещё одну копию соглашения. Лиэра слышала, как он благодарит мужа за возможность прийти раньше, а Тэван отвечает привычным любезным голосом и предлагает ему располагаться. Она добралась до стола и нашла вчерашнюю запись, чтобы не искать при клиенте, на чём они остановились в прошлый раз.

В расписании стояло время, выведенное её рукой, рядом лежали пометки для исследования. Лиэра почти придвинула своё кресло к рабочему столу, но остановилась и посмотрела на лист с расчётами, который муж оставил возле чернильницы. Внизу по-прежнему значилось её будущее жалованье, и теперь он собирался начать зарабатывать на него, даже не дождавшись согласия.

— Лиэра, мы готовы, — позвал Тэван из приёмной. — Принеси записи и посмотри, пожалуйста, прежнее заключение. Господин привёз дополнения, придётся их учесть.

— Сегодня я работать не буду. Перенеси приём, Тэван, у нас возникли обстоятельства, которые нужно сначала решить.

Муж появился в дверях и задержался, услышав её ответ. Из приёмной было видно часть кабинета, и Лиэра не хотела выяснять отношения перед посторонним человеком. Она закрыла книгу, чтобы Тэван понял, что записи сегодня не понадобятся, и осталась ждать.

— Ты плохо себя чувствуешь? — спросил он. — Мы можем начать без исследования, пока я посмотрю новые условия. Отдохни немного и потом присоединишься.

— Я не присоединюсь. Мне нужно заняться тем, как я буду жить после нашего развода, о котором ты сообщил полчаса назад.

Тэван шагнул в кабинет и прикрыл дверь, но Лиэра успела увидеть, как посетитель приподнялся с кресла. Ей стало стыдно за то, что чужой человек вынужден слушать их разговор, однако притворяться заболевшей она тоже не собиралась. Муж посмотрел на неё с таким возмущением, словно это она устроила всё происходящее.

Он подождал, очевидно рассчитывая, что она уступит, но Лиэра отошла от стола. Тэван поправил жилет и вернулся к гостю, объясняя, что возникли непредвиденные семейные обстоятельства. Его голос снова стал любезным, и от этой перемены Лиэре захотелось закричать, чтобы он хотя бы перестал изображать перед ней заботливого мужа.

Посетитель ответил, что может подождать до завтра, но попросил непременно дать знать заранее, если время изменится. Тэван пообещал и проводил его, а Лиэра взяла письма с подоконника, собираясь унести к остальным. Она всё ещё находилась в этом доме, среди знакомых вещей, и никак не могла перестать делать то, что привыкла делать каждое утро.

На одном конверте стояло «господам Тарвес». Она перечитала обращение и оставила оба письма на краю стола, не проверив, всё ли внутри. В прихожей закрылась входная дверь, а следом Тэван вернулся в кабинет и остановился перед ней.

— Ты понимаешь, как это выглядело? Он давно к нам ходит, у него родня среди моих клиентов. Теперь весь город узнает о нашем разводе раньше, чем я успею что-либо объяснить!

— Я должна была спросить, когда тебе удобно об этом объявить? Может, ещё улыбаться гостям на вашей свадьбе? Не требуй от меня приличий, о которых сам не вспомнил!

Он потребовал перестать кричать, напомнив, что в доме могут услышать. Лиэра с трудом заставила себя замолчать, потому что в горле уже першило, а плакать хотелось от каждого его слова. Ей нужно было выйти из кабинета, где на стене висело его разрешение, на полках стояли его книги и даже её записи лежали в папках, оплаченных из его денег.

Она поднялась к себе и закрыла дверь, не отвечая на вопрос, куда собралась. Здесь было легче хотя бы потому, что Тэван не стоял рядом со своими расчётами. На стуле осталось голубое платье, которое она вчера собиралась убрать в шкаф, а на столике лежала новая лента, так и не вплетённая в косу.

Лиэра села на кровати и позволила себе вытереть мокрые щёки. Она больше не хотела ничего объяснять мужу, но за дверью уже слышались его шаги. Хотелось успеть подумать, прежде чем он опять начнёт рассказывать, какую замечательную жизнь приготовил ей после развода.

Если уйти, ей останутся одежда, личные мелочи и несколько книг, которые она принесла в этот дом ещё невестой. У неё не будет ни накопленных денег, ни права продолжать работу, ни возможности снять помещение и проводить обряды. Даже попросить знакомых клиентов прийти к ней было бессмысленно, пока у неё нет разрешения, которого прежде не получала ни одна знакомая женщина, работающая без мужа.

Тэван постучал и вошёл, не дожидаясь ответа. Увидев, что она сидит без дела, он остановился возле шкафа, и Лиэра поняла, что муж ожидал застать её за сборами. Слишком уж заметно он посмотрел на закрытые дверцы и на пустой стол.

— Давай без глупостей, — сказал он. — Ты сейчас злишься и готова сделать что угодно, лишь бы мне досадить. Успокойся, а вечером ещё раз обсудим условия, если сумма тебя не устраивает.

— Оставь меня одну. Я не могу сейчас с тобой разговаривать, Тэван, ты меня даже не слушаешь.

— Я услышал, что ты хочешь уйти. Спрашиваю, куда ты собираешься, а ответа нет. Ты понимаешь, что тебе никто не предложит работу, которую предлагаю я?

— Понимаю, что ты решил этим воспользоваться. Тебе очень удобно, что мне некуда деваться! Можно развестись, жениться на другой и даже помощницу не менять!

Муж сердито вздохнул и предложил подумать, прежде чем обвинять его во всех смертных грехах. Эйлина знает, что они будут продолжать работать вместе, её отец тоже не возражает. Он сказал это с таким видом, словно устранил последнюю серьёзную помеху, и Лиэра несколько секунд смотрела на него, не веря, что он действительно произнёс эти слова.

— Спасибо, что они мне разрешили! Ты ещё скажи, как я должна быть благодарна твоей невесте за то, что она готова терпеть разведёнку возле мужа! Или она полагает, что мне очень повезло и я теперь её как благодетельницу каждый день славить буду?

— Не смей говорить об Эйлине в таком тоне! Она в этом ни перед кем не виновата. Я сам хочу на ней жениться, потому что люблю её и не собираюсь остаток жизни тратить на брак, в котором мы даже спим по разным комнатам!

Лиэра встала, не желая, чтобы он продолжал нависать над ней. Теперь ей хотелось немедленно выставить его из комнаты, но она знала, чем кончится требование: Тэван напомнит, что дом принадлежит ему. Он уже объявил своими деньги, которые они откладывали вместе, и наверняка сумеет объяснить, почему жена должна радоваться, что ей до сих пор позволяют здесь находиться.

— Я не пойду к тебе на службу, — сказала она. — Не буду приходить по утрам и ждать, когда ты заплатишь мне за то, что я делала восемь лет. Я отказываюсь, Тэван. И больше обсуждать тут нечего.

— А прачкой пойдёшь? Или поломойкой, если в прачечной места не найдётся? Ты давно видела, сколько им платят и как они живут? Вспомни, прежде чем начнёшь гордость показывать!

Она вспомнила рассказ Саяры о растрескавшихся руках знакомой портнихи и с трудом подавила желание снова сесть. Тэван продолжал объяснять, что она сама отказывается от помощи и потом не должна винить его в своих бедах.

Лиэра прошла мимо него и вернулась в кабинет. Здесь он хотя бы не сможет стоять возле её кровати и перечислять занятия, на которые она годится после восьми лет работы с магическими связями. Хотелось взять плащ, уйти из дома и добраться до Саяры, чтобы рассказать кому-нибудь, что произошло, пока он окончательно не убедил её в том, что виновата она сама.

Тэван спустился следом и преградил дорогу к прихожей. Он уже держал лист с расчётами, который, видимо, считал главным доводом в свою пользу. Лиэра остановилась, не желая протискиваться мимо, и потребовала пропустить её.

— Сначала договорим. Завтра после приёмов проведём обрыв, чтобы к концу недели я мог подать бумаги. Сегодня ты отдохнёшь, а утром вернёшься к работе и не будешь больше срывать расписание.

— Ты сам с собой договорился? Я сказала, что работать у тебя не стану! Не надо мне назначать время, когда отдыхать и когда снова садиться возле твоего стола!

— Лиэра, прекрати! Ты сейчас выйдешь из дома, наговоришь подруге глупостей, а потом начнёшь просить меня взять тебя обратно. Я пытаюсь избавить нас обоих от этого унижения!

Она посмотрела на него и почувствовала такую злость, что перестала замечать, как дрожат губы. Ещё немного, и она действительно начнёт просить, чтобы он хотя бы позволил ей выйти из кабинета. Тэван стоял у двери с листом расчётов и ждал, пока она согласится вернуться к работе. Кажется, ему даже не приходило в голову, что после этого утра она больше не сумеет сидеть возле его стола и выполнять указания.

— Убери эту бумагу, — потребовала Лиэра. — И освободи проход, я не намерена больше ничего слушать. Хочешь жениться, женись, только перестань распоряжаться мной!

— Я пока твой муж и отвечаю за то, что ты делаешь! Без меня ты даже работать не можешь, а уже ведёшь себя так, словно собралась открыть практику на соседней улице. Сначала научись думать, потом будешь отказываться от помощи!

Лиэра обратилась к их связи раньше, чем успела решить, что именно сделает. Она всю жизнь слушалась его в работе, ждала, когда он позволит усилить воздействие, и верила, что одна не сумеет довести обряд до конца. Сейчас от одной мысли, что завтра придётся сидеть рядом с ним и ждать разрешения перестать быть его женой, хотелось разорвать всё, что ещё их соединяло.

Связь проявилась между ними светлым серебристым плетением. Тэван осёкся, и Лиэра ощутила его попытку перехватить исследование, знакомую по сотням совместных приёмов. Она отстранила это воздействие, продолжая удерживать связь, и впервые увидела, как недоверчиво он смотрит на неё вместо привычного ожидания, что она подчинится.

— Ты что делаешь? Немедленно прекрати, я не позволял начинать! Мы завтра проведём обряд, когда ты успокоишься!

— Ты же хотел освободиться от брака. Стой на месте и не мешай мне, я попробую обойтись без твоих указаний!

Она знала порядок обряда, но прежде никогда не удерживала оба конца одна. Сейчас её сила отзывалась в связи так отчётливо, что Лиэра различала каждое соединение, которое когда-то приняла при заключении брака. Нужно было снять их последовательно, не повредив ни один из двух потоков, и она направила дар к ближайшему, боясь, что не сумеет удержать остальные.

Первое соединение поддалось, отдавшись тянущим ощущением под грудью. Лиэра невольно прижала локоть к боку, но воздействия не прекратила, хотя Тэван снова потребовал остановиться. Его голос мешал сосредоточиться, и она попросила замолчать, с такой злостью, что сама едва узнала себя.

Он всё ещё был её мужем, стоял рядом и мог в любой момент протянуть руку, чтобы закончить работу вместе. Лиэра боялась, что придётся позвать его, что силы иссякнут и он получит ещё один повод объяснить, насколько она беспомощна. Но второе соединение распалось, а серебристое плетение продолжало удерживаться, позволяя ей перейти к следующему.

Тэван перестал говорить, и она услышала, как он выдохнул. Лиэра не посмотрела на него, не желая отвлекаться от того, что уже сумела сделать. У самой границы воздействия связь

натянулась, пытаясь сохранить оставшееся сцепление, и ей пришлось направить туда ещё силу, чтобы освободить последний участок.

Она ждала боли и уже почти приготовилась к тому, что всё сорвётся. Вместо этого почувствовала, как два потока расходятся, перестав удерживать друг друга, и осторожно отпустила тот, что принадлежал мужу. Серебристый свет погас, а Лиэра осталась стоять перед Тэваном, не понимая, почему у неё всё ещё хватает сил проверять результат.

Она провела исследование ещё раз, от начала до конца, и не нашла соединения. Восемь лет брачная связь отзывалась на любое прикосновение дара, даже когда не хотелось замечать рядом человека, с которым она соединяла. Теперь Лиэра чувствовала только свою силу и никак не могла поверить, что больше ничего не держит.

— Как ты это сделала?! — спросил Тэван, отступив от двери. — Лиэра, ты же не могла одна! Ты понимаешь, что сейчас произошло?

Лиэра смотрела на его побелевшее лицо и не могла ответить. Ей хотелось сказать, что он может жениться, пусть подаёт свои бумаги и благодарит будущего тестя, но голос не слушался. Тэван всё ещё держал расчёты её будущего жалованья, а она стояла перед ним, уже разведённая, и пыталась понять, как сумела провести обряд, который без мужа ей ни разу не позволяли даже начать.

Глава 4

Лиэра отступила к столу, освобождая Тэвану место для проверки. Он всё ещё смотрел на неё, а потом потребовал не шевелиться и обратился к дару.

Ничего не было, и это пугало своей непривычностью. Столько лет между ними существовала связь, а теперь его воздействие оставалось чужим. Тэван проверил результат ещё раз и отступил, продолжая разглядывать её так, словно она только что испортила ему сложный обряд.

Она прошла мимо него и поднялась к себе. Спорить о том, как правильно лишаться брака, уже не хотелось, а Тэван больше не загораживал дорогу. Лиэра достала дорожную сумку и принялась складывать одежду, стараясь выбрать самое необходимое, потому что не знала, куда понесёт вещи и придётся ли возвращаться за остальным.

Книгу подруги она нашла под уведомлением из палаты, вытащила лист и оставила на столике, а том убрала к тем, которые принесла сюда ещё до замужества. Уходить хотелось поскорее, но возвращаться потом за оставленным она не собиралась. Тэван остановился в дверях как раз тогда, когда она пыталась застегнуть сумку, и спросил, зачем она набрала столько книг.

— Эти мои, а эту я взяла у Саяры, — ответила Лиэра. — Рабочие остались в кабинете, можешь посмотреть. Я ничего из твоей практики не забрала.

— Я не собирался проверять твои вещи. Спрашиваю, куда ты всё это тащишь, если даже не знаешь, где будешь жить. Оставь пока здесь, никто ничего не выбросит.

Лиэра всё-таки застегнула сумку и выпрямилась. Хотелось ответить, что после сегодняшнего разговора она предпочла бы не полагаться на его обещания, но муж уже отступил от дверей. Она надела плащ, прошла к лестнице и только внизу поняла, что ищет глазами место, куда обычно клала деньги на дорогу.

В кошельке осталось несколько монет после вчерашних покупок. На извозчика хватило бы, если потом не пришлось покупать еду, и Лиэра решила идти пешком. Тэван проводил её до выхода, продолжая объяснять, что через пару дней она успокоится и они сумеют обсудить работу без бессмысленных обид.

— Ты знаешь, где меня найти, — сказал он, когда она уже открыла дверь. — Только не тяни с ответом. У меня люди записаны, нельзя бесконечно переносить приёмы.

— Не жди меня завтра. Я тебе уже ответила, и решение не изменилось.

Подруга открыла сама, удивившись раннему визиту, а потом заметила вещи. Лиэра попыталась поздороваться и попросить впустить её, однако вместо слов расплакалась. Саяра затащила её в прихожую, помогла снять плащ и усадила в маленькой гостиной, где они обычно разговаривали, когда не хотелось выходить в город.

— Что случилось? Он тебя обидел? Лиэра, скажи хоть что-нибудь, я сейчас сама к нему побегу!

— Он женится, — выговорила она, наконец справившись с голосом. — На Эйлине Дэрваль. Вчера получил согласие её отца, а сегодня рассказал, как замечательно теперь всё устроится.

Саяра села рядом и принялась расспрашивать, что именно он сказал и как собирается поступить с их браком. Лиэра рассказала о жалованье, которого должно хватить на самостоятельную жизнь, и о новых клиентах, ради которых Тэван уже искал помещение. Повторяя его объяснения, она снова почувствовала злость и перестала плакать, хотя щёки всё ещё были мокрыми.

— Мерзавец! — возмутилась Саяра. — Мы вчера только говорили, а он уже всё приготовил! Даже не сомневался, что ты останешься работать, после того как выставит тебя ради новой жены! И когда он собирается проводить обрыв?

— Связи больше нет. Я сама проверила, и он тоже посмотрел. Всё завершено, Саяра, я уже разведена.

Подруга отодвинулась и с ужасом посмотрела на неё. Лиэра увидела, как та невольно ищет глазами сумку, стоявшую у двери, и поняла, что ей сейчас тоже придётся думать, что делать с разведённой женщиной в своём доме. Захотелось встать и сказать, что она просто забежала вернуть книгу, а дальше справится без помощи.

— Он уже оборвал?! Только сегодня сказал и сразу провёл обряд? Сволочь! Можно было хотя бы дать тебе время найти комнату! Ты из-за этого ушла с вещами, он тебя выгнал?

— Он не проводил обряд. Это я сделала, когда мы поссорились. Он приказал завтра вернуться к работе и напомнил, что пока мой муж, вот я и разозлилась.

Саяра замолчала, а Лиэра принялась объяснять, как это произошло, потому что сама всё ещё не могла поверить. Она знала порядок действий, делала то, что требовалось, и ждала, когда силы иссякнут и придётся обращаться к Тэвану. Но связь держалась под её воздействием до конца, а потом исчезла, оставив их стоять друг перед другом среди тех самых записей, из-за которых они спорили.

— Ты одна? Совсем без него? — Саяра произнесла это почти шёпотом, хотя в комнате больше никого не было. — Лиэра, разве женщина может такое сделать? Я думала, для этого даже мужчинам нужен второй маг!

— Обычно нужен. Некоторые могут сами, но я никогда не слышала, чтобы так могла ведьма. И Тэван сказал, что я не справлюсь, а я злилась и хотела скорее от него освободиться. Даже не думала, что получится.

— И он ничего не нашёл? — спросила Саяра. — Значит, ты всё правильно сделала? Ни ему, ни себе не повредила?

— Ничего не нашёл. Потом опять начал распоряжаться, что мне завтра делать, и я ушла. Я не могу к нему вернуться, Саяра, не проси меня. Он так радовался, рассказывал про будущего тестя и ждал, что я тоже обрадуюсь!

Подруга обняла её, и Лиэра ненадолго позволила себе уткнуться в её плечо. Стало стыдно за эти слёзы, хотя утром ей было бы трудно представить, что она окажется здесь с вещами и не сумеет объяснить, где собирается ночевать. Она отстранилась и попросила помочь найти комнату, напомнив, что у неё пока есть немного денег.

— На несколько дней, хотя бы до конца недели. Может быть, у кого-нибудь из знакомых есть пустая? Я заплачу, только сразу много не смогу.

— Я подумаю, — пообещала Саяра. — Есть один человек, он знаком с Дарвэном, иногда сдаёт комнаты. Но надо сначала поговорить, чтобы тебя не развернули прямо на пороге.

Она поднялась и подошла к окну, а Лиэра услышала, как подруга сердито выругалась себе под нос. Саяра некоторое время смотрела на улицу, затем вернулась к дивану и призналась, что до сих пор не может поверить в случившееся. Ещё вчера они обе были уверены, что с ними такого не произойдёт.

— Дарвэн тоже может встретить женщину, ради которой захочет развестись, — сказала она. — Вроде всё устроено, мы не мешаем друг другу, но ведь и у тебя было так же. А потом он придёт и скажет, что больше не желает оставаться моим мужем, и что я ему отвечу?

Лиэра не знала, чем её успокоить. Утром она ещё могла бы повторить вчерашние слова о порядочности мужчин, сохраняющих брачную связь, но теперь от них хотелось плакать. Саяра прижала пальцы к губам и попросила прощения, что заговорила о себе, когда подруге сейчас негде жить.

— Не извиняйся, я понимаю. Если у тебя из-за меня будут неприятности, я уйду. Ты только скажи, к кому можно обратиться, и я сама схожу.

— Перестань! Я тебя из дома не гоню! Просто к вечеру действительно нужно что-то придумать, Дарвэн может зайти, а я не знаю, как ему объяснить. Посиди пока, я велю узнать, дома ли Бэрт Дорвен, и попробую с ним договориться.

Саяра вышла ненадолго и вернулась, уже застёгивая плащ. Лиэра хотела подняться вместе с ней, но подруга попросила подождать: прежде чем приводить новую жиличку, нужно получить согласие. Потом Саяра задержалась у двери и спросила, взяла ли Лиэра рабочие записи.

— Только мои книги, — ответила та. — И вашу тоже, я боялась оставить её там. Записи остались у Тэвана, я всё равно не имею права ими пользоваться.

— А ты попробуй получить разрешение. Если сама оборвала брачную связь, может быть, и работать сможешь одна? Хотя бы узнай, что для этого нужно.

Лиэра даже рассмеялась от неожиданности, представив, как объявляет в палате, что намерена вести самостоятельную практику. Служащий прежде спросит, где её муж, а потом велит не мешать приёму. Разведённая ведьма, у которой нет даже допуска помощницы, пришла требовать того, чего никогда не получала ни одна женщина.

— Это невозможно, Саяра. Ты же знаешь, женщинам только при мужьях разрешают работать. А я теперь вообще не замужем, со мной даже разговаривать не станут.

— Так и что ты потеряешь, если не станут? Тэвану помогать всё равно не хочешь, другого места нет. Сходи, спроси об испытании, вдруг найдётся способ его пройти.

— За него платить надо. Столько, что практики копят годами, а некоторые ещё и занимают. Ты представляешь, сколько с меня могут потребовать?

— Сначала узнай сколько. Можно попросить отсрочку, предложить отдавать частями, когда начнёшь зарабатывать. Я с Дарвэном попробую поговорить, может, он согласится помочь.

— Нет, не говори ему! Ты сама вспомни, что он сказал о нашей портнихе. Не хватало, чтобы тебе из-за меня пришлось оправдываться, откуда взялись деньги для разведёнки!

Саяра недовольно возразила, что речь ещё не о деньгах, а о возможности хотя бы задать вопрос. Лиэра хотела снова объяснить, почему в палате никто не станет её слушать, но подруга уже направилась к двери. На пороге она обернулась и попросила подумать, пока будет договариваться о комнате, а затем ушла, оставив Лиэру с сумкой возле дивана и мыслью, которую было страшно принять всерьёз.

***

Ардан прочитал жалобу до конца и вернулся к строке, где Тэван Тарвес описывал обрыв. Посетитель стоял перед столом, поскольку сесть ему не предложили, и старательно объяснял, почему счёл необходимым прийти лично. Он уже несколько раз упомянул, что с бывшей супругой у него сложились непростые отношения, но долг перед палатой не позволяет закрыть глаза на нарушение.

— Вы пишете, что она сама завершила обряд, — перебил Ардан. — Что именно вы сделали в это время? Перечислите, без рассуждений о долге.

— Пытался остановить, мой господин. Она была взбешена и не желала слушать. Я неоднократно предупреждал её, что нельзя обращаться к связи в таком состоянии, но она продолжала.

— Я спросил о вашем участии в обряде. Вы поддерживали воздействие, удерживали связь, завершали обрыв? Отвечайте на вопрос, Тарвес, мне надоело слушать, какой вы благоразумный человек.

Маг покраснел и признал, что не участвовал. По его словам, жена отстранила попытку вмешательства и самостоятельно довела обряд до конца, а после этого он проверил результат. Ардан потребовал уточнить, осталось ли что-нибудь, что пришлось исправлять, и получил отрицательный ответ.

— То есть связь оборвана полностью. Повреждений у себя вы не обнаружили, у неё тоже? И всё это сделала женщина, работавшая у вас помощницей?

— Именно поэтому я и обеспокоен. Она не имеет права проводить обряды, мой господин, и в таком состоянии могла навредить нам обоим. У меня есть разрешение, я отвечаю за практику, а она позволила себе действовать вопреки прямому запрету.

Ардан взглянул на приложенную копию разрешения. Тарвес получил его давно и до сегодняшнего дня с подобными жалобами не обращался. Про помощницу в бумагах было сказано немного, зато в изложении утренней ссоры маг не пожалел места на её несдержанность и отказ от разумных предложений.

— Допуск помощницы у неё есть? Или вы собирались подать заявление, когда я лично напомню вам о новом распоряжении?

Тарвес сообщил, что отдельного допуска жена не получала, поскольку работала при нём. Новое распоряжение он прочитал и собирался выполнить, но теперь брак расторгнут. Ардан помнил, сколько подобных объяснений ему приходилось выслушивать от практиков, привыкших считать разрешение хозяина дома достаточным основанием для любых действий жены.

— Ваше распоряжение я ни в коем случае не оспариваю, — добавил маг. — Именно поэтому решил сообщить о случившемся немедленно. Пока она не успела причинить вред кому-нибудь ещё.

Ардан отложил жалобу и посмотрел на Тарвеса. Тот стоял с таким видом, словно предстояло решить, как вернуть ему сбежавшую служанку. Сам факт удавшегося обряда, судя по всему, тревожил его только как доказательство того, что жена перестала слушаться.

— Тогда что вы от меня хотите? Чтобы я отправил её обратно к вашему столу? Мне казалось, здесь рассматривают нарушения порядка магической практики, а не ваши домашние затруднения.

— Прошу принять меры, соответствующие серьёзности проступка. Она должна понять, что нельзя сначала нарушить запрет, а потом искать себе место, как будто ничего не произошло. Если люди начнут брать её на работу, она решит, что ей всё позволено.

Ардану захотелось велеть ему перечитать последнее предложение вслух. Тарвес только что сообщил, что женщина не имеет права работать магом, и тут же принялся беспокоиться, чтобы она не устроилась куда-нибудь ещё. Правитель потребовал объяснить, какую работу посетитель имеет в виду, и тот ответил, что Лиэра со злости готова пойти хоть в прачечную.

— Не думаю, что после такого ей следует оставаться без надзора, — добавил он. — Она может сорваться снова. Если вы сочтёте нужным предупредить тех, кто захочет её нанять, они смогут избежать неприятностей.

— Ты решил моими руками загнать её обратно к себе? — спросил Ардан, и маг заметно побледнел. — Будешь советовать мне, кому писать и кого предупреждать? Или всё-таки позволишь самому разобраться с твоей жалобой?

— Я не смею ничего советовать, мой господин! Только прошу учесть обстоятельства. Бывшая жена ничего не понимает в жизни без моей поддержки, я много лет ограждал её от трудностей.

— Уже учёл. Оставь бумаги и убирайся, пока я не велел проверить, как ты ограждал её от требований палаты. Понадобишься, тебя вызовут.

Тарвес поклонился и вышел, а Ардан ещё раз посмотрел на подпись под жалобой. Помощницу маг хотел сохранить, разрешения у неё не было, обряд она провела без него. Все три обстоятельства были изложены рукой человека, который рассчитывал прежде всего добиться наказания бывшей жены.

Ардан вызвал секретаря и велел найти запись о практике Тарвеса. На вопрос, готовить ли требование о явке женщины, он приказал сначала принести сведения и не принимать решений

без него. Затем положил жалобу отдельно от остальных бумаг, чтобы к ней не успели приложить очередное усердное заключение о том, в чём пока следовало разобраться самому.

***

Саяра вернулась с ключом и сообщила, что договорилась на четыре дня. Комната небольшая, наверху, без отдельной кухни, зато сегодня можно принести вещи. Хозяин согласился принять вперёд только за эти дни, а потом потребует плату за неделю, если Лиэра останется.

— Он знает? — спросила Лиэра, всё ещё не решаясь обрадоваться. — Ты сказала, что я разведена? Не надо скрывать, Саяра, потом будет хуже.

— Сказала. Он сперва отказал, потом вспомнил, что знаком с Дарвэном, и согласился на несколько дней. Я объяснила, что ты ведьма и восемь лет работала у мужа. Больше он ничего не спрашивал.

До дома Дорвена они дошли вместе. Хозяин вышел с заднего двора, выслушал напоминание Саяры о договорённости и посмотрел на сумку Лиэры, спрашивая, все ли это вещи. Подниматься с ними он не стал, объяснил, какая дверь наверху, и потребовал не водить гостей, особенно мужчин.

— Здесь приличный дом. Соседи ко мне с вопросами ходить не должны. Плату будете приносить в срок, оправдания мне не нужны.

— Я поняла ваши условия. За четыре дня заплачу сейчас, остальное мы ещё не обсуждали.

Он пересчитал деньги и отпустил их, напомнив, что вечером входную дверь запирают. Лиэра поднялась по крутой лестнице и оказалась в комнате с узкой кроватью, столом и сундуком вместо шкафа. Окно выходило во двор, на котором Дорвен складывал доски, а на двери изнутри имелся засов.

Саяра попробовала закрыть его и объявила, что хотя бы это хорошо. Лиэра поставила сумку возле кровати, не находя, что ответить, и только теперь ощутила, как устала. Хотелось лечь в плаще, отвернуться к стене и до утра никого не слушать, но четыре оплаченных дня уже начались, а дальше у неё не было ничего.

— Я всё-таки схожу в палату, — сказала она. — Узнаю цену и условия, если со мной вообще станут разговаривать. Ты права, отказ я переживу.

— Сходи, пока они ещё принимают. Я бы пошла с тобой, но мне надо вернуться, иначе Дарвэн начнёт спрашивать, где я провела весь день. Приходи потом и расскажи, что сказали.

Лиэра поблагодарила её за комнату и предложила забрать книгу. Саяра попросила пока оставить её в сумке, раз возвращать только к концу месяца, а потом ушла, напомнив, что до палаты лучше идти через площадь. Лиэра осталась одна, поправила перед маленьким зеркалом косу и обнаружила, что лицо всё ещё выдаёт утренние слёзы.

Пришлось умыться водой из кувшина и подождать, пока перестанут гореть щёки. Она убрала книги в сундук, взяла кошелёк с остатком денег и заперла комнату. Проверять связь с Тэваном больше не стала, хотя желание убедиться, что утро ей не привиделось, возникало каждый раз, когда вспоминала его последний вопрос.

У дверей палаты толпились мужчины, некоторые пришли с жёнами. Лиэра узнала одну женщину, с которой не раз встречалась на приёмах, но та разговаривала с супругом и её не заметила. Подходить не хотелось, потому что пришлось бы объяснять, где Тэван и почему она одна.

У стола служащего Лиэра дождалась своей очереди и попросила рассказать об испытании на право самостоятельной практики. Мужчина выслушал вопрос, достал лист с условиями и поинтересовался, кто будет подавать прошение. Она назвала себя, после чего он убрал лист обратно.

— Для помощниц другой порядок. Муж должен явиться вместе с вами и подать согласие. Уведомление уже получили?

— Получили. Я спрашиваю о разрешении на единоличную практику. Хочу узнать, могу ли пройти испытание и сколько нужно заплатить.

Служащий посмотрел на неё внимательнее, а мужчина, ожидавший следом, недовольно попросил не задерживать очередь. Лиэра не отступила и повторила вопрос. Она уже дошла сюда, выстояла перед столом и не хотела уходить, даже не услышав условий.

— Женщинам таких разрешений не выдают. Вы можете работать при супруге, если он держатель действующего разрешения. Где он сейчас?

— Я разведена. Поэтому и пришла узнать, есть ли возможность пройти испытание без мужа. Я восемь лет работала со связями и хочу продолжать.

Человек за её спиной перестал жаловаться на очередь. Служащий отложил перо и потребовал отойти от стола, чтобы не мешать другим посетителям. Лиэра услышала смешок сбоку, однако не посмотрела, кто именно решил, что просьба разведённой ведьмы стоит веселья.

— Я не прошу выдать разрешение без испытания. Скажите хотя бы стоимость и объясните, к кому нужно обратиться, чтобы узнать, возможно ли исключение. Я умею работать, просто раньше не делала этого самостоятельно.

— Так вот и не делайте. Взнос для самостоятельных практиков триста золотых, если вам это поможет. А ваше обращение я принять не могу, вы не отвечаете условиям.

Лиэра почувствовала, как опускаются руки, хотя именно такой суммы и следовало ожидать. У них с Тэваном столько не набиралось даже в те месяцы, когда приходилось принимать до позднего вечера. Теперь она понимала, почему муж всегда говорил о получении разрешения как о главном достижении, благодаря которому они могут позволить себе дом и работу.

— Кто может разрешить испытание в особом случае? — спросила она. — Я хочу обратиться к этому человеку. Если мне откажут, я уйду, но сначала дайте узнать, существует ли такая возможность.

Служащий велел ждать у стены и принял бумаги у следующего посетителя. Лиэра отошла, стараясь не замечать любопытства, с которым на неё поглядывали, и прижала к себе сумку с кошельком. Триста золотых нельзя было получить, продав платья, нельзя было занять у Саяры без ведома её мужа, а о рассрочке она даже не успела спросить.

Она всё ещё стояла у стены, когда из боковой двери вышел распорядитель. Служащий подозвал его и что-то объяснил, несколько раз указав на Лиэру. Та услышала слово «разведённая» и почувствовала, как снова начинает гореть лицо, хотя ничего постыдного не сделала.

Он потребовал назвать имя, а затем уточнил, у какого мужа она работала. Лиэра ответила и заметила, как изменилось выражение его лица. Распорядитель повторил фамилию Тарвес, велел ждать и ушёл в ту дверь, из которой появился.

Лиэра осталась стоять, прислушиваясь к чужим разговорам и пытаясь понять, почему его так заинтересовала её фамилия. Возможно, вспомнил Тэвана, возможно, собирался проверить её слова. Она пожалела, что не спросила сразу про отсрочку, потому что после трёхсот золотых любое согласие на испытание всё равно оставалось бесполезным, но теперь хотелось хотя бы дослушать ответ.

***

Ардан перечитал описание обрыва и нашёл место, где Тарвес упомянул отстранённое воздействие. Помощница не просто закончила за него начатую работу, если жалобщик излагал случившееся без искажений. Она сама обратилась к связи и удержала её, пока муж пытался прекратить обряд.

В бумагах о практике не нашлось ничего примечательного. За восемь лет у Тарвеса накопились обычные обращения клиентов и несколько благодарностей за сложные случаи. Сведения о даре жены отсутствовали, поскольку разрешение выдавалось одному Тарвесу, а помощницу вписали только по его заявлению.

Ардану хотелось ещё раз задать ему вопрос о том, что именно делала женщина все эти годы. Маг повторял, что она не способна обойтись без его поддержки, но принёс доказательство того, что уже обошлась. Либо он не сумел отличить полноценный обрыв от повреждения, либо его представления о помощнице требовали серьёзного пересмотра.

Появившийся распорядитель остановился у двери и сообщил, что в приёмной возникло необычное обращение. Ардан велел говорить по существу, не собираясь выслушивать очередное объяснение о том, почему приказ оказался непонятен. Мужчина приблизился к столу и с явным затруднением объяснил, что разведённая ведьма просит назначить ей испытание на право единоличной практики.

— Она утверждает, что восемь лет работала у мужа и теперь собирается принимать самостоятельно. Служащий объяснил порядок, но она настаивает на рассмотрении особого случая. Я решил уточнить у вас, прежде чем окончательно отказать.

— Имя ты узнал? Или пришёл обсуждать со мной безымянную ведьму? Я велел докладывать об обращениях, а не пересказывать разговоры в приёмной.

— Лиэра Тарвес, мой господин. Бывший супруг сегодня приходил к вам, поэтому я счёл необходимым сообщить. Просительница ожидает внизу, ей уже объяснили, что разрешений такого рода женщинам не выдают.

Ардан посмотрел на жалобу, лежавшую перед ним. Женщина успела уйти от мужа и прийти за правом продолжать работу, в то время как Тарвес пытался запретить ей даже стирать чужое бельё. Она находилась в палате, и для нескольких вопросов не требовалось отправлять за ней человека.

— Приведи её сюда. Следующего посетителя приму после неё, предупреди секретаря.

— Вы примете её лично? — переспросил распорядитель, забыв опустить глаза. — Мой господин, речь идёт о разведённой женщине. Она просит исключения из правил, которые вы сами установили.

— Ты оглох или решил, что распоряжение относится к кому-то другому? Приведёшь Тарвес в мой кабинет и закроешь дверь с той стороны. Дальше я разберусь без твоих пояснений.

Распорядитель поклонился и поспешил выполнить приказ. Ардан убрал бумаги о практике, оставив перед собой только жалобу, а затем откинулся в кресле, ожидая женщину, которая, по словам бывшего мужа, впервые решилась действовать одна. Ему предстояло услышать, как она сама объясняет утренний обряд.

***

Когда распорядитель вернулся, Лиэра успела решить, что её оставят стоять до закрытия палаты. Служащий за столом больше не смотрел в её сторону, посетители сменялись, а она никак не могла придумать, к кому обратиться ещё. Увидев знакомого чиновника, Лиэра шагнула навстречу, но тот велел следовать за ним и не задавать вопросов по дороге.

Она шла по лестнице, стараясь не отстать, и только на верхней площадке поняла, куда её ведут. Возле двери в кабинет правителя стоял секретарь, которого она видела, когда приходила сюда с Тэваном. Лиэра остановилась, и распорядитель обернулся с таким недовольством, что ей пришлось продолжить путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.